

28 ноября

Я просыпаюсь от луча солнца, вспыхнувшего в сонном сознании, и на несколько минут пытаюсь затянуть время, откладывая полное пробуждение. Я чувствую ветер – надо мной раскачивается веер пальмы, ее ствол пробил деревянное перекрытие потолка и устремился дальше, к небу, оставив мне в утешение несколько веток.

На стене от сквозняка раскачивается портрет с треснувшим стеклом, видимо, бывшего хозяина квартиры. Мужчина в пиджаке, в нижнем углу рамки штамп фотоателье – «Силуэт, 1978 год». На вид мужику под сорок, упитанный, глумливо улыбается. Кто он, смотрящий мне прямо в глаза, из своих семидесятих?

На окно, взрывая воздух, хлопая крыльями и стука о жестяной подоконник клювом, садится птица.

Надо валить из этой квартиры, поворачиваюсь спиной к портрету, чужой взгляд прожигает меня через расстояние в сорок лет...

Спускаюсь на этаж ниже, потом еще ниже, но и там никакого успокоения, наконец, выхожу наружу.

Улицы в поселке еще сохранились, на одном из домов видна табличка с адресом, входы в подъезды заколочены, на разрушенных тротуарах – ржавые остовы машин, облезшие чугунные ванны.

Природа возвращает себе свое, прячет подальше от глаз мертвые скелеты зданий, деревья прорастают сквозь окна и крыши домов, растения пожира-

ют город, одичавшие розовые и голубые гортензии украшают этот страшный пейзаж.

В пустых квартирах ветшают книги, одежда, детские игрушки, на балконах сушится белье, которое никто никогда не снимет, – везде старые вещи, брошенные хозяевами в спешке, с несбывшейся надеждой на скорое возвращение.

Раньше, до войны, это был лучший поселок в районе, но во время осады, длившейся больше года, из поселка ушли все жители – остались только старики и те, кто не смог покинуть свой дом, около сорока человек.

Чужих здесь не любят, да и за что нас любить – добраться в поселок непросто, и бывают здесь только заезжие фотографы и такие, как я, сталкеры, любители «заброшек».

Мне бы хватило суток – сфотографировать пустые улицы, заночевать, и обратно, домой, в город, но в день моего приезда с гор сошел сель – и теперь я отрезан от цивилизации.

Я живу здесь уже неделю, местные меня кормят, и на том спасибо, а я только рад, это настоящее приключение. Через пару дней оползень сойдет, и я выдвинусь обратно, домой.

Мне немного одиноко, местные заняты своими делами, и, кроме них, живые существа здесь – стаи диких котов, но и они не особенно меня любят, хотя вечером приходят к моему подъезду в поисках еды.

Меняю квартиры каждый день, дом заливает дождями, и коты следуют за мной. От них не скрыться, хотя я запираю подъезд, к двери квартиры приставляю стул, закрываю окна. Но только стемнеет, как за дверью начинается возня, визг, шорохи, они скребутся, шипят, не очень-то это приятно. Как они пробираются ко мне, ума не приложу, мне кажется, они лазают по стенам. Я подхожу к двери, прикладываю ухо, слышу их дыхание, они царапают дермати́н, а недавно я увидел, как в замке провернулась ручка... Хотя, казалось бы, что в этом такого, всего-навсего коты...

8 декабря

Это была непростая неделя, ливни шли потоком, каждый день. Дорогу в поселок закидало так, что не пробраться, камни, осколки скал, стволы деревьев. Зима наступила мгновенно: только вчера была теплая осень – и вдруг снег и дожди.

Я сблизился с местным, Генкой, он говорит, что такие завалы возможно расчистить только весной. Начинаю потихоньку осознавать, что могу зависнуть здесь на месяц, а то и больше. Первые дни мне казалось даже забавным жить одному в целом подъезде, а теперь, с приближением сумерек, становится все неуютней.

С трудом пишу – туманы здесь такие, что на расстоянии вытянутой руки ничего не видно, зато слух улучшился.

У жителей поселка есть пасека, молоко, фрукты, не пропаду. Только ночью немного не по себе, у местных котов появился предводитель, и вот его я по-настоящему боюсь, у него глаза человечьи, наглый и злой, смотрит на меня внимательно, изучает..

Меняю квартиры каждый день, дом заливает дождями, и коты следуют за мной. От них не скрыться, хотя я запираю подъезд, к двери квартиры приставляю стул, закрываю окна. Но только стемнеет, как за дверью начинается возня, визг, шорохи, они скребутся, шипят, не очень-то это приятно. Как они пробираются ко мне, ума не приложу, мне кажется, они лазают по стенам. Я подхожу к двери, прикладываю ухо, слышу их дыхание, они царапают дермати́н, а недавно я увидел, как в замке провернулась ручка... Хотя, казалось бы, что в этом такого, всего-навсего коты...

19 декабря

Пообвыкся, помогаю Генке, соседу, в его основном промысле – добыче кирпича. Город строился в пятидесятых пленными немцами – работали качественно. Мы с Генкой выбиваем из стен целые кирпичи, чистим их. Весной продадим. Неплохой бизнес.

Только коты мешают, они охотятся на меня, ночью подступают все ближе и ближе.

Никакие замки не помогают, как только я засыпаю, они появляются у меня в квартире и хозяйничают, как дома. Их много, но я не могу их пересчитать, и сделать с ними ничего не могу, мне хочется вскочить, заорать от ужаса, но я почему-то продолжаю лежать. Я хорошо вижу огоньки их глаз, они светятся в темноте, коты ходят по моему телу, их тихое дыхание щекочет мое лицо, страшно пошевелиться, ведь в любой момент они могут выпустить когти. Они не похожи на наших, домашних кошек, а гораздо больше и длиннее, с короткими, обрубленными хвостами. Квартира заполнена котами, они забираются на шкаф, на столы и стулья, все исследуют, заглядывают в углы, и так до самого рассвета. Утром, когда я просыпаюсь, то стараюсь найти их следы – но ничего нет, ни шерсти, ни опрокинутой банки, даже остатки ужина в тарелке нетронуты. Ладно, завтра подумаю, что с этим делать...

25 декабря

Сегодня ночью был сильный ливень, дверь от сырости разбухла так, что заклинило замок, ни нож, ни топорик не помогли, пробовал выбить ее пле-

чом с разбегу, но дверь оказалась крепкой, даже не шелохнулась. Как ни пытался открыть, не смог, а пора было идти на работу, добывать кирпич. Я открыл окно – третий этаж, высоко, стена моего дома целиком заросла вьющимся девичьим виноградом, багровые листья облетели, обнажив паутину тонких стволов.

Я влез на подоконник, присел, оттолкнулся руками, оторвался и, собрав в прыжке всю силу, полетел вниз. Падая, на мгновение я почувствовал себя невесомым, этих секунд оказалось достаточно, чтобы я успел сгруппироваться.

Позвоночник у меня стал гибким, в полете я цеплялся за ветки и, перехватывая их руками, спустился на землю. Это оказалась так легко, что я решил и обратно, после работы, залезть в квартиру по стене, через окно.

31 декабря

Вечером начал собираться к Генке – договорились, что Новый год будем праздновать у него.

Помылся, оделся в чистое, жаль, нечем постричь ногти, они выросли огромные и упираются в подушечки ладоней.

Пока искал ножницы, услышал противный писк – пришла мышь, а раньше ведь их не было, это впервые.

Я опустился на пол, на колени, и стал терпеливо ждать. Мышь шуршала за плинтусом, показывая хвост, но я замер, не подавая признаков жизни. И тогда, она, дурочка, вылезла и помельтешила в центр комнаты. Я мгновенно вскочил на стол и уже со стола, сверху, набросился на мышь и перегрыз ей хребет. Мышь оказалась вкусной – выел ей печень, сердце, а к Генке не пошел. Хорошо Новый год начинается...

